

3. ГКЧП: ПЕРЕВОРОТ М. ГОРБАЧЕВА И Б. ЕЛЬЦИНА

Вернувшись в Москву из Лондона, Горбачев немедленно развернул кипучую деятельность по подготовке государственного переворота. Активно подыгрывал ему Ельцин. В субботу 20 июля он подписал Указ, запрещающий деятельность парторганизаций «в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР». Это называлось «департизацией» (термин Г. Попова). Акция была рассчитана на то, чтобы спровоцировать резкую реакцию предстоящего через несколько дней Пленума ЦК КПСС.

Как президент СССР, Горбачев был полномочен отменить Указ Ельцина, однако под разными предложениями отказался это сделать. В то же время в Москве провокаторы, среди которых выделялся, конечно же, Александр Яковлев, по-прежнему похожий «на лягушку, страдающую поносом», – распространяли слухи, будто Шенин шмерен возглавить в ближайшее время «реваншистский демарш». В эти же дни сам Горбачев окружил Шенина исключительным личным вниманием. «Ни разу спать не лег, – рассказывал Олег Семенович, – не позвонив сначала мне. Что да как? Яковлева называл суккой».

Задним числом смысл этих ухаживаний понятен. В том составе Секретариата ЦК Олег Шенин, в силу малого опыта жизни в московском политическом серпентарии и некоторых черт своего характера, был единственным, кого можно было бы в принципе спровоцировать на решительные шаги. Все остальные были осторожными и недоверчивыми. Поэтому ставка была сделана на втягивание в провокацию именно Олега Семеновича.

Во вторник 23 июля – последняя сходка в Ново-Огарево. Горбачев возбужденно деловит, открыт для компромиссов, торопит: «Я не знаю, товарищи, до вас доходит или нет, но я уже чувствую опасные тенденции. Нам нужно быстрее завершить с Договором. Быстрее!» Как-как собравшиеся соглашаются назначить подписание Договора на сентябрь – октябрь 1991 г. на Съезде народных депутатов СССР. До этого, однако, нужно досогласовать некоторые моменты, а именно: опять же, кто кому будет платить? И что делать с автономиями?

Т.е., по сути, ни о чем не договорились. Дата 20 августа, как утверждает бывший при этом Лукьянов, не фигурировала.

В четверг 25 июля – Пленум ЦК КПСС, скучный, тягучий. Обсуждают проект новой Программы КПСС. Смешно: дом пылает свечой, а внутри сидит сумасшедший хозяин и строит планы на светлое будущее. Выделялось из ряда прочих выступление Лукьянова, который верно предсказал, что вслед за партией станут громить Советы: «Зачем и с какой целью? Одна из целей – вывести из-под контроля представительных органов решение практических вопросов перехода к рыночной экономике, в первую очередь, разгосударствление и приватизацию». Как в воду глядел Анатолий Иванович!

На удивление легко Горбачев согласился на созыв осенью внеочередного съезда КПСС. Вообще, многие тогда обратили внимание, что выглядел он со стороны в этот раз очень уверенным в себе, даже надменным. «Похож был на Муссолини», – поделился со мной впечатлениями от генсека один из участников Пленума. Секрет такого высокомерия сегодня разгадать не трудно: Горбачев единственный среди всех знал, что не будет осенью ни пленума, ни съезда, ни нового Союзного Договора. Он точно знал все это уже 25 июля.

* * *

Поздно вечером 29 июля (понедельник) в Москве объявился с последней инспекцией Дж. Буш-старший, в прошлом директор ЦРУ США, то есть высокий профессионал по части организации и чужих странах всевозможных путчей. Накануне визита московская пресса маскировала его цели необходимостью подписать очередной договор по разоружению. Однако сам президент США в своем последнем интервью перед вылетом из Вашингтона сказал без лукавства: «Это не будет встреча в верхах по контролю над вооружениями», – и тут же назвал цену, которую Горбачеву назначат США за очередную «услугу»: «Проблема Прибалтики, вопрос о советских расходах на оборону и помощь СССР другим странам».

В первой половине дня 30 июля Дж. Буш обстоятельно поговорил в Кремле «с глазу на глаз» с Горбачевым. После обеда, там же в Кремле, обстоятельно пообщался «с глазу на глаз» с Ельциным. На следующий день, в среду 31 июля президент США явил себя в Ново-Огарево, где к нему был допущен Назарбаев. И случилось чудо. После этой встречи Горбачева, Ельцина и Назарбаева словно бы подменили. Все противоречия, которые так долго разделяли их в отношении нового Союзного Договора, стали вдруг неактуальными настолько, что они объявили на весь мир о своей готовности срочно подписать Договор, не дожидаясь, пока пелена упадет с глаз и остальных участников новоогаревского процесса. Назвали и дату подписания – 20 августа. За это Дж. Буш публично похвалил их

Отобедав, он подмахнул в Кремле для прессы очередной разоруженческий Договор и улетел в Киев для разговора «с глазу на глаз» с Кравчуком. После чего в Москве все вдруг пошло кувырком.

На следующий день, 1 августа, Шенин позвонил Полозкову и спросил: «Ты знаешь, что Горбачев уходит в отпуск?». Тот опешил: «Как уходит? Ведь у нас пленум, он должен быть». Шенин посоветовал: «А ты позвони ему». Полозков позвонил: «Правда, что вы уходите в отпуск?». Горбачев сказал в трубку: «Иван, ты что, белены объелся? Никого не слушай. Будет, как договорились. Давай работай. Тут у меня делегация».

На следующий день, в пятницу 2 августа, встревоженный Полозков (ведь речь шла о замене первого секретаря ЦК КП РСФСР) отыскал в 9-м Управлении КГБ знакомого офицера: «Правда, что Горбачев улетает в отпуск?». Офицер ответил, что да, и самолет уже готов. «А на 6-е он планирует быть в Москве?». «Нет, не планируют». Полозков снова к Шенину: «Что делать?». Тот сказал: «Звони Горбачеву». Позвонил, снова спросил про отпуск. Горбачев завелся: «Ну, что ты пристал? Сам видишь, какой тяжелый был месяц». Полозков уперся: «Я так не могу. Нужно посоветоваться по кандидатурам». Горбачев подумал и сказал: «Я сейчас тоже не могу. У меня делегация. Заходи вечером. С Шениным».

Вечером Горбачев увлек товарищей по партии в угол кабинета, угадил, рассказал пару свежих хохм про Буша, порадовался, что удалось выйти на Союзный Договор. Затем взялись «лопатить кандидатуры». Полозков показал на Шенина: «Пусть Олег Семенович берет». Горбачев обиделся: «Ты что, хочешь меня одного с этими сучками оставить?» – и кивнул куда-то в сторону.

Рассказывая мне эту полуанекдотическую историю своей последней встречи с Горбачевым, Полозков сказал, что его неприятно удивило, даже насторожило подспудное безразличие генсека к тому, кто станет во главе российского ЦК. Год назад он бился насмерть, чтобы провести туда своего человека, а сейчас проглядывало хоть и замаскированное нужными словам, но все-таки равнодушие.

Горбачев выпроводил Полозкова из своего кабинета первым. Довел до двери и на прощание, явно в расчете на уши Шенина, поговорил громко: «Олега не трогай, он у меня один на всех этих...» И снова дернул головой в сторону.

* * *

Прежде чем отбыть в отпуск, Горбачев сделал по телевидению торжественное обращение об открытии к подписанию Союзного Договора. Хорошо видно, что в тексте обращения полностью отсутствует какая-либо конкретика. Чистейший дешевый пиар, ориентированный на то, чтобы создать в обществе иллюзию, будто

20 августа и в самом деле состоится подписание. Однако в тех политических условиях, в которых находились тогда и Горбачев, и Ельцин, ни о каком подписании для них в действительности не могло быть и речи. Если, конечно, сладкая парочка не планировала совершить вместе политическое самоубийство. Дата 20 августа была блефом государственного масштаба.

Отбывая спешно в Форос, Горбачев оставил «на хозяйстве» в ЦК Шенина, поскольку официальный зам. генсека Ивашко лег «подлечиться». Между тем в Москве развили страшную активность академик Яковлев, его ближайший той поры сподвижник генерал-предатель Калугин, российский вице-президент Руцкой, грузинский лис Шеварднадзе.

Мощно и по сути открыто действовала несметная иностранная агентура. Кипели какие-то антисоветские съезды, конференции. Сновали озабоченные, яростные люди, похожие на голодных крыс.

В пятницу, 16 августа в печати появился, наконец, текст пресловутого Договора. Подчеркну еще раз, что его подписание 20 августа, с точки зрения интересов политического выживания Горбачева и Ельцина, было абсолютно невыносимым. Ибо, пойдя они на этот шаг, в ответ получили бы молниеносную консолидацию на базе итогов мартовского Всесоюзного референдума тех громадных сил, которые не желали раздела СССР. А это: сохранившиеся организации и структуры КПСС; Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР; значительное большинство народных депутатов и членов ВС РСФСР; правительство СССР; все советские силовые структуры и, наконец, подавляющее большинство граждан страны.

Помимо этого, уже тогда в окружении Ельцина определяющую роль играли люди, для которых главной и единственной целью являлось обращение в личную собственность природных ресурсов России. Прежде всего, конечно, нефти и газа. Новоогаревский Договор не давал им такой возможности.

В своей совокупности все эти обстоятельства означали, что в случае подписания Договора Горбачев и Ельцин вынуждены были бы тут же, не вставая с места, застрелиться. Поэтому публикация Договора 16 августа являлась не более чем плановым провокационным ходом в череде подготовительных мероприятий, призванных, в конечном счете, высечь из общества искру неосторожного вооруженного сопротивления. Сохрани тогда будущие деятели ГКЧП хладнокровие, не делай резких движений – Горбачеву и Ельцину пришлось бы с большими для себя политическими потерями отбывать назад.

В понедельник 19 августа я узнал из телевизионных новостей, что произошло. Отправился на работу в ЦК. Там в коридорах наблюдалось некоторое оживление. Надо сказать, в последнее время в комплексе зданий ЦК КПСС на Старой площади все громче свистел шестер запустения и развала. В буфетах исчезли нормальные столовые приборы. Появились грязные гнутые алюминиевые вилки. По ночам в кабинетах сотрудников кто-то взял моду срезать кнопочные телефонные аппараты. Иногда вскрывали рабочие сейфы, и, если находили что-то ценное, уносили.

Утром 19 августа было много звонков с мест. Образование ГКЧП в основном поддерживали, но вызвала настороженность иерархия, будто Горбачев болен. В нее не верили. Если бы объявили, что ему предъявлено обвинение в государственной измене, и на время следствия он изолирован, это было бы принято без сомнений и с одобрением.

Между сотрудниками прошел слух, будто бы состоялось заседание Секретариата ЦК под председательством Шенина, но что «они» решили – неизвестно. Потом новый слух, будто на места ушла шифровка с указанием поддержать ГКЧП. Позже выяснилось, что Шенин действительно разослал за своей подписью шифровку: «В связи с извещением чрезвычайного положения примите меры по участию коммунистов в содействии ГКЧП». После разгрома она оказалась в руках прокуроров, по сути, единственным материальным свидетельством причастности партии к делам ГКЧП.

Ближе к обеду прошел слух, на этот раз о созыве Пленума ЦК. И потом вдруг, как отрезало, полная тишина. Со временем я узнал, что во второй половине дня в ЦК приехал из Барвихи Ивашко, отодвинул Шенина и взял ручку управления на себя. Сразу стало тихо, как в детской игре в «замри». Никто ничего толком не мог объяснить. Кругом роились только слухи. В душе возникло и стало нарастать чувство, что все мы в западне, из которой нет выхода.

Во вторник 20 августа в коридорах Орготдела не было никого. Все, как мышки, сидели по кабинетам. Иногда заглядывал кто-нибудь из коллег, оставлял слух и исчезал. Прошелестело, будто переметнулся Лебедь. Куда? К кому? Александр Иванович был членом ЦК КП РСФСР. На Пленумах гудел, как иерихонская труба, правильные вещи. Я не мог вообразить его демократом.

Потом заговорили, будто к Ельцину перебегает милиция. Будто организует это заместитель министра Пуго генерал Громов. Снова не поверил. Громов – герой афганской кампании. Боевой советский генерал. Такие не перебегают.

Во второй половине дня, устав от безделья и слухов, решил отправиться домой. Пешком. Посмотреть, что в городе. Есть такой журналистский штамп: «тщательно организованная провокация». Провокация августа 91-го была организована грубо, я бы даже сказал, вызывающе хамовато. На площади Свердлова, у Большого Театра, дальше по проспекту Маркса и в начале Манежной площади танки и много солдат в строю. Зачем? Ежу понятно. По периметру три крупнейших гостиницы: «Интурист», «Москва» и «Националь». Каждая нашпигована иностранными журналистами, репортерами, резидентами. Сцена устроена для них.

На углу улицы Горького, у подземного перехода, танк. На нем молодой мужик лет 30, полноватый, машет полосатым флагом (тогда такие называли «бесиками»: белый, синий, красный). Время от времени выкрикивает: «Горбачев, Ельцин – да! Военный переворот – нет!» Рядом массовка человек 10, подхватывают этот лозунг. Кто же позволил мужику забраться на боевой танк с «бесиком»?

Офицеры кучкуются группками в стороне, не вмешиваются. Солдаты в строю – в основном мальчишки. Выглядят очень усталыми, похоже, давно стоят. Жарко. Они все в керзачах. Вижу, как на одного, совсем молодого, коршуном налетает женщина лет 40–45: «Ты будешь стрелять в матерей?! Будешь стрелять в матерей?!» Тот стоит замученный, безучастный, глаза чуть завел под веки. Сейчас бы я сказал этой тетке, попадись она мне: «Пусть в тебя чечен стреляет, дура!» Тогда промолчал, пошел дальше вверх по Горького.

У красного здания Моссовета – бодрая суета, оживление. Вроде как в большой молодежной компании перед хорошей выпивкой. Туда-сюда снуют озабоченные революцией люди, в руках – пачки прокламаций, обращений, ельцинских указов. Все это рассыпают по городу, суют в руки военным. В здании функционирует штаб Александра Яковлева. Ему помогают два его бывших (в ЦК КПСС) помощника: Валера Кузнецов и Коля Косолапов. Оба, само собой, коммунисты, мои бывшие хорошие товарищи по аппарату ЦК. В этот день мы с ними оказались по разные стороны – не баррикады, а корыта. Они – с той, где берут, а я – где отнимают.

На углу площади Маяковского и 1-й Тверской-Ямской улицы стоит иномарка. Задняя дверь поднята в небо. В просторном багажнике две мощные колонки гонят на всю площадь информацию «Эха Москвы». Диктор торопливо перечисляет номера воинских частей, фамилии командиров, названия и фамилии капитанов военно-морских судов, которые блокируют Горбачева в Форосе. Позже выяснилось, что все это было вранье. Но ведь кто-то его сочинял и загонял в эфир.

И вот, следуя таким путем, отмечая про себя все грубые постановочные швы буфф-переворота, я начинал потихоньку прозревать,

что на самом-то деле все эти ребята: и те, которые трясутся от страха и ГКЧП; и те, которые жрут водку с коньяком в удобном бункере Белого Дома; и сам богомерзкий форосский сиделец, умудрившийся за пять лет испоганить жизнь на целой планете, – все эти ребята, на самом деле, заодно. И что в конце концов они между собой полюбовно договорятся. А вот подлинным объектом их путчевых манипуляций, их подлинной несчастной жертвой является не кто иной, как все тот же безмолвный многострадальный народ, ставший «нипплом, который все схавает». Чтобы его облапошить, даже напрягаться особо нет смысла.

* * *

Поздним вечером этого дня хлынул дождь, и шел всю ночь. В тоннеле под Новым Арбатом, в давке, в мешанине пытавшейся вырваться прочь бронетехники и разгоряченной спиртным и провокаторами толпы, случайно погибли трое молодых людей. Через несколько дней Примаков придумал дать им Героев Советского Союза, и Горбачев издал соответствующий Указ. Поставил этих несчастных в один ряд с советскими героями-мучениками: Олегом Кошевым (17 лет), Сережей Тюлениным (18), Сашей Матросовым (19).

Более подробно об этом рассказала Тамара Шенина в статье «ГКЧП. Как это было», размещенной на сайте zappravdu.ru: «В ночь на 21 августа, после введения комендантского часа, в тоннеле на пересечении ул. Чайковского и Нового Арбата гражданскими лицами были блокированы 8 БМП Таманской дивизии. В результате возникшего столкновения погибли Дмитрий Комарь, Владимир Усов, Илья Кричевский; 12 человек, включая военнослужащих, получили ожоги и телесные повреждения.

О гибели этих «героев» стоит сообщить читателю подробнее из материалов уголовного дела ГКЧП.

«Выставив по ходу движения три поста, командир батальона № 1 Суровикин с 14 БМП подошел к пересечению Садового кольца, где неожиданно обнаружил баррикаду при въезде в тоннель, БМП и военнослужащие собравшимися гражданами были забросаны камнями, палками, бутылками с зажигательной смесью, другими предметами.

За тоннелем военные обнаружили еще одну, более мощную, чем первая, линию заграждений.

Поскольку путь назад был отрезан (по методу чеченских бойцов.— *Т.Ш.*), перестроиться в тоннеле БМП технической возможности не имели, а связь с командиром полка была прервана, Суровикин принял решение продолжить выполнение стоящей перед ним задачи.

Колонне БМП, двигавшейся по правой стороне Садового кольца, удалось пробить в преграде брешь и пройти через нее.

Из БМП, двигавшейся по левой стороне, не удалось пройти ни одной машине. БМП-601 провалилась в яму, БМП-602 при маневрировании сбросила гусеницу, БМП-535 была зажата между троллейбусами, а другие машины не могли двигаться из-за преграды, созданной ими. Увидев, что БМП, в которой находился командир их роты, прошла преграду, экипаж БМП-536 решил, что они остались одни. Поскольку из-за повреждения антенного провода на БМП оборвалась связь с командиром, экипаж самостоятельно принял решение выполнять приказ и продолжать движение вперед. В то время, когда БМП выходили из тоннеля, находившиеся там граждане бросили в них заготовленные камни, палки, другие предметы, вставляли в траки арматуру. Сотрудник редакции военного журнала «Морской сборник» – Головкин М.А., набросив плащ-палатку на смотровую щель двигавшейся БМП, предложил другим следовать его примеру. Люди стали запрыгивать на БМП, расстегивали тенты и закрывали ими обзор экипажу.

Одну из машин накрыли Комарь и Чуркин, но она прошла безграждение. Тогда они накрыли БМП-536, однако закрепить брезент не смогли, так как оператор-наводчик Нурбаев, вращая башню, сорвал брезент, но и после этого у механика-водителя видимость не появилась, поскольку были разбиты смотровые приборы (три плекс), а смотровая щель накрыта одеждой; при маневрировании от удара о колонну тоннеля открылся правый люк десанта. Догнавший БМП Комарь, имея в руках ломик, попытался им нанести удар Баймуратову, на предупреждение последнего о возможном применении оружия он не реагировал, и Баймуратов, не имея намерения поразить Комаря, произвел выстрел.

При движении БМП Комарь выпал из машины в открытый люк, ударился головой об асфальтовое покрытие дороги и получил черепно-мозговую травму, повлекшую его смерть.

Опасаясь проникновения в БМП других лиц, Баймуратов сделал через открытый люк несколько предупредительных выстрелов, при этом пуля попала в незафиксированную кормовую дверь и Усов получил смертельное ранение в голову.

Граждане стали наполнять бутылки бензином и бросать их в БМП, которая загорелась. Когда огонь прорвался во внутренние отсеки машины, экипаж по команде сержанта Семенегги предпринял попытку эвакуации. В механика-водителя Бульчева, открывшего люк, бросили камень, а затем вылили ведро бензина, и он загорелся, получив ожог рук. Отдельные лица препятствовали выходу экипажа из загоревшейся БМП.

Во время посадки в БМП-521 члены экипажа горевшей машины продолжали делать предупредительные выстрелы в воздух. Кричали

ский бросил в них камень, сделал шаг в сторону БМП, но был неустановленным лицом убит выстрелом в голову.

Бывший командир Таманской дивизии Марченков В.И. показал, что дивизия выполняет особые задачи, и в случае объявления повышенной боевой готовности обязана выходить из места постоянной дислокации с боеприпасами. Ситуация, в которую попали военнослужащие батальона Суровкина, была непредсказуема, условия экстремальные, нужно учитывать и то, что солдаты и офицеры выполняли приказ.

Свидетель Зуев показал, что подойдя ближе, увидел колонну БМП, которая следовала в тоннель по Садовому кольцу. Он обратил внимание на то, что в тоннеле несколько машин-водовозов перерогаживали проезжую часть. После того как БМП проехали первую баррикаду, они направились в сторону Смоленской площади. Когда Зуев подошел ближе, то увидел, что БМП уже стояли перед баррикадой, сооруженной из троллейбусов. Ему известно, что на в. Ордынке находится троллейбусный парк, и все троллейбусы были из него. Было три ряда троллейбусов, которые перерогаживали Садовое кольцо.

В БМП стали бросать различные предметы. Это были камни, железки, бревна. В это время он увидел, как подъехала водовозка. Молодые ребята принесли ящик пустых бутылок и стали заполнять их бензином. После их затыкали тряпкой и поджигали» (Материалы следственного дела ГКЧП. Т. 132, лл. д. 20–24).

«Среди присутствующих раздавались крики, призывы отобрать оружие, физически расправиться» (там же, т. 134, лл. д. 187–190, 191–196, 197–202, 204–206, 209–213).

«При осмотре БМП на них обнаружены многочисленные вмятины, царапины, деформация, частичное или полное разрушение, а также отсутствие отдельных наружных узлов и агрегатов, смотровых приборов, следы возгорания в виде оплавления металла и вспучивание краски» (там же, т. 133, лл. д. 106–115, 116–120).

Вот так действовали последние по указу предателя Горбачева «герои» Советского Союза. Я специально выписала для читателя, как это было. Хулиганы – герои, а солдаты, выполняющие приказ и пострадавшие, – кто? Это был уже не первый удар по доблестной Советской Армии, теперь ее практически добили.

Но самое интересное – это выводы следствия: «Противодействуя ГКЧП, незаконному (? – Т.Ш.) вводу в город войск и объявлению комендантского часа, люди вышли на защиту конституционного строя, выполняя свой гражданский долг по ликвидации опасности, угрожавшей законно избранным органам власти, и действовали в соответствии с крайней необходимостью» (Материалы следственного дела ГКЧП. Т. 138 лл. д. 226–238).

Вот так стряпалось «нашими прокурорами» Степанковым и Лисовым следствие.

Была бы у нас нормальная Дума и депутаты, то давно бы и Степанков, и Лисов, и Трубин, и кое-кто еще сидели бы в тюрьме. Мы же, оставшиеся еще в живых так называемые гекачеписты и их жены, соберемся с силами и с деньгами, найдем честных адвокатов и выиграем процесс. Пусть они все, начиная с Горбачева, посидят хотя бы тот же срок, что наши мужья, но одно условие – в «Матроской тишине» [конец цитаты].

* * *

Спустя годы, из книжки Коржакова я узнал, что в ту жуткую ночь, когда в Москве хлестал дождь, гибли люди, и многие за темными бессонными окнами думали с тревогой о том, что может быть завтра с ними и их семьями, Ельцин крепко спал в бункере Белого дома. В какой-то момент Коржаков хотел вывезти его тело от греха подальше в посольство США, но Ельцин проснулся и велел положить себя на место.

Прочитав этот эпизод, я подивился наивности ельцинского топтуна. Ведь это Ельцин, а не Коржаков, беседовал «с глазу на глаз» с Бушем-старшим. Соответственно, в ту ночь Ельцин – знал! А Коржаков, разумеется, нет! Вот где был источник мужества Беспалого.

Рядом, по свидетельству Коржакова, пил водку с коньяком и блевал по углам московский мэр Гавриил Попов. Тут же отдыхал и вице-мэр Лужков с молодой женой в положении. Как рачительные хозяева, заранее запаслись продуктами, и теперь кушали.

А чего им было опасаться, когда их иностранные друзья уже открыто встали на их сторону? Вот как об этом пишет Р. Бретвейт:

«Гай Спиндлер и Ричард Асл, два молодых сотрудника посольства, провели ночь в Белом доме... Я испытывал крайнюю досаду оттого, что вынужден торчать у себя в кабинете, когда рядом вершится история. Все остальные были на улицах города. Я уже высказал Стивену Уоллу, личному секретарю Мэйджора, мнение, что мне следует продемонстрировать солидарность, отправившись в Белый дом. Тот пообещал мне позвонить и сообщить, каков будет ответ. Тем временем я уехал из посольства на «Ниве» с Дэвидом Мэннингом и Джеффом Марреллом, начальником посольского отдела по вопросам внутренней политики. Джилл села в другую «Ниву» со Стивеном, нашим поваром, и Энн Браун.

Мы припарковались на набережной напротив Белого дома, неподалеку от помпезного здания. Новоарбатский (Кутузовский) мост, ведущий к Белому дому, был блокирован танками, на которых разбивались русский и украинский флаги...

Джилл позвонила мне из квартиры Сенокосовых (московские друзья Бретвейтов. – В.Л.). Она встретила их возле Белого дома и слышала радостные крики толпы, когда было объявлено, что премьер-министр Мэйджор позвонил Ельцину, и снова – когда в здание вошел Шеварднадзе. На следующий день Джилл призналась, что вместо того, чтобы соблюдать комендантский час, она пошла с Сенокосовыми к защитникам Белого дома. Сейчас, объяснила она, пришло время, когда все либеральные интеллектуалы должны ясно сивить о своей позиции».

Вот вам еще одно интересное приключение английской посольской четы в нашей стране. Мало того, что чуть ли не все сотрудники британского посольства присоединились к «демократам», жена английского посла самолично полезла на баррикады защищать Ельцина. Но ведь, строго говоря, законной властью был ГКЧП, а Ельцин со своими сторонниками являлись мятежниками.

А если бы подобное происходило в Лондоне, опять спрошу я вас, и жена нашего посла влезла бы на баррикады, чтобы защитить тех, кто бросил вызов законному английскому правительству? Или что позволено Юпитеру, не позволено быку?.. Двойные стандарты так привычны для западной политики.

* * *

Под утро ельцинские «демократы» стали по очереди выходить из бункера. Последним вышел Гавриил Попов и, еще не вполне пришед в себя после перепоя, объявил, что у него имеются неоспоримые доказательства причастности КПСС к организации военного переворота.

У «них» – день победы. В утренних «Известиях» знаковая статья под угрожающим заголовком: «Запомним всех, обдумаем все». Автор – Отто Лацис, политически выморочный субъект, тогда член ЦК КПСС, первый заместитель главного редактора теоретического органа ЦК «Коммунист», один из горбачевских подпевал среднего звена. В роковой для его партии день не нашел себе лучшего занятия, чем разжигать с газетных страниц антипартийную истерию.

Где-то в 15.30 у главного подъезда ЦК неожиданно возникла возбужденная толпа. Свист, крики: «Долой КПСС!». Комендатура закрыла все массивные наружные ворота. От руководства поступило сообщение, что женщины могут покинуть здание, не дожидаясь окончания рабочего дня. Называли номера подъездов, через которые пока еще можно выйти. Прошла зловещая информация о самоубийстве министра внутренних дел СССР Бориса Карловича Пуго и его супруги. По работе в ЦК я достаточно хорошо знал Бориса Карловича. Для меня он был человеком чести. В ситуации тех дней, по моим понятиям, генерал-полковник Пуго поступил как мужчина и воин.

Об этом говорит, в частности, и Тамара Шенина в уже упоминавшейся статье «ГКЧП. Как это было»: «Из показаний Б.В. Громова следует, что после совещания у Ачалова он доложил Б.К. Пуго об его итогах. Борис Карлович сказал, что данная задача должна быть выполнена. Несмотря на такой приказ, он, Громов, в 16 часов позвонил Грачеву и сообщил, что внутренние войска он вводить не будет. Грачев так же заверил его, что и он не будет вводить два полка ВДВ, вызванные на подкрепление. После этого Громов дал указание своему заместителю Дубинику без его ведома дивизию внутренних войск в Москву не вводить, даже если это будет приказ Пуго (Материалы следственного дела ГКЧП: Т. 82, лл. д. 124–134, т. 92 лл. д. 33–44).

...Я не знаю, убили ли Бориса Карловича и его жену (зачем приехал к нему тогда Явлинский и что он там оставил?) или он сам принял такое решение, но это был человек светлый, порядочный, жизнелюбивый. И в добровольный его уход из жизни вместе с женой что-то не очень верится...»

В пятницу 23 августа, снова в 15.30, у здания ЦК опять собирается толпа. На этот раз действуют более организованно. Заблокировали все выходы. Покидающих здание женщин освистывают, вырывают у них сумки, обыскивают.

В 16.00 по внутреннему радио заговорил какой-то представитель из команды Г. Попова. Сообщил, что, по согласованию с президентом СССР Горбачевым, принято решение о «приостановлении функционирования здания ЦК КПСС». Всем сотрудникам предложено покинуть здание до 17.00, взяв с собой только личные вещи.

Неизвестно, можно ли будет вернуться еще раз. У многих в кабинетах остаются рабочие библиотечки, какие-то архивы. Через внутренний двор ЦК к выходу в Никитинков переулок потянулись люди. У ворот – знакомые ребята из комендатуры. Предупреждают не вступать ни с кем в разговоры.

По ту сторону массивной ограды ликует взвинченная толпа. Пытаются обыскивать. Распорядитель с трехцветной повязкой на рукаве призывает к порядку. Немного впереди меня за ворота вышла средних лет женщина. У нее из хозяйственной сумки выхватили сверток. Оказалась, упаковка мясного фарша из буфета. Моментаً разметали. Гогот, свист, крики: «Зажрались!..»

Под этот шум я без приключений вышел через проходную, смешался с толпой, огляделся. У разных подъездов на охране стоят и сидят группки молодежи, все с трехцветными повязками. Было заметно, что свой революционный долг они исполняют с удовольствием. Много людей любопытствующих, праздных. Много тех, кого раньше называли «деклассированными элементами». Очень активны женщины, скажем так, второй свежести. Что-то требуют, горячатся.

Самый главный, 2-й подъезд ЦК, над которым пока еще желтает золотом надпись «Центральный Комитет КПСС», отделен от сравнительно небольшой толпы переносными ограждениями. За ними – милиция и снова распорядитель с трехцветной повязкой. Толпа не очень кипит энергией. Мое внимание привлекла пожилая женщина. Высокая, жилистая, о таких говорят иногда – изработанная. В странной для центра Москвы одежде, похожей на русскую пелогрейку. Я много видел в жизни похожих женщин. В колхозе, где работал отец; на шахте, где довелось поработать самому; позже среди укладчиков железнодорожных шпал в Подмоскowie. Эта женщина была настроена очень воинственно, на худом сером лице решимость. Она выкрикивала в сторону подъезда: «Пусть выйдут!». Улучив момент, черт знает почему, я спросил: «Кто пусть выходит?». Женщина оглянулась на меня, и ответила: «Начальство ихнее». Я кивнул в сторону двери: «Его там нет». Она недоверчиво спросила: «А куда же они подевались?». Я сказал: «Кто куда. Горбачев и Яковлев в Кремле. Шеварднадзе у себя в министерстве. Ельцин в Белом Доме. Бывал здесь часто Гавриил Попов, но и он давно переехал. Никого нет». Тогда она, уже не очень уверенно, спросила: «А где Ивашко?». Я на это: «А зачем вам Ивашко? Он больной и вообще тут ни при чем». Тогда она отвернулась и принялась смотреть на подъезд молча. В эту минуту мне стало ее жутко жалко, ведь ее снова обманули.

* * *

Днем и вечером на телеэкранах мерцало лицо академика Яковлева. Профессионально клеил политические ярлыки «путчистам», требовал крови и доносов. Бретвейт так пишет о своей встрече с Яковлевым в это время:

«...Мы с Джеффом Марреллом посетили Александра Яковлева в здании Моссовета на улице Горького. На этот раз Яковлев был весел и раскован и не походил на «диспетчерскую лягушку». Он критиковал Горбачева за его выбор советников. Он тоже считал, что КГБ должен быть подчинен гражданскому контролю, в противном случае он будет продолжать действовать как самостоятельная сила. Политическая полиция должна быть распущена. Службу внешней разведки следует сохранить. Такую службу имеют все страны, хотя, как бывший посол, он может по опыту сказать, что, как правило, внешняя разведка бесполезна. Я ответил, что, поскольку я посол пока еще действующий, вряд ли он ожидает, что я с ним соглашусь.

Когда мы уходили, он сказал, что толпа уже бьет окна в здании ЦК на Старой площади. Мы с Джеффом недоумевали, почему до сих пор москвичи не снесут памятник «железному Феликсу» на Лубянке. Они это сделали в ту же ночь под приветственные крики

громадной толпы. Вернувшись в посольство, мы пригласили русских сотрудников выпить шампанского. Я поздравил их с победой мирной народной победой, уникальной в русской истории, третьей великой победой в битве за Москву после битв 1812 и 1941 годов...»

Хорошее сравнение, правда? Поставить в один ряд две Отечественные войны нашего народа и шабаш «демократов» 1991 года это лишь не отягощенному комплексами англичанину придет в голову.

В выражении лучших чувств к «демократам», бойкие американцы снова, однако, обошли Бретвейта: «Боб Страусе, новый американский посол, без приглашения взобрался на трибуну у Белого дома, чтобы процитировать Патрика Хенри: «Дайте мне свободу или дайте мне умереть!» – блестящий жест, которому позавидовали его профессиональные коллеги из Европы»...

Шабаш продолжался; под заклинания Яковлева столичный образованный слой бросился на всякий случай делать доносы на ГКЧП. Доносили много, с пониманием. Из множества слышанных мною на эту тему поучительных историй больше других задела та, которую поведал как-то под настроение Олег Шенин. По его словам, еще работая в Красноярском крае, он познакомился по стечению обстоятельств с семьей Валерия Чкалова, знаменитого советского летчика. Шенины и Чкаловы быстро подружились семьями. Ездили друг к другу в гости, в Москву, в Красноярск. Обычная история.

Когда пришло время Олегу Семеновичу в камере «Матросской тишины» знакомиться с материалами своего «путчевого дела», он среди прочих бумажек, с изумлением обнаружил и донос, написанный на него в 1991-м сыном Валерия Чкалова Игорем, другом семьи Шениных. Оказывается, тот мельком увидел Шенина выходящим из кабинета Павлова, и на этом основании составил донос о причастности Секретаря ЦК КПСС к попытке военного переворота.

Трогает в этой истории не тривиальный сам по себе факт причастности со стороны «друга семьи», а не воспринимаемое на слух нормального человека сочетание слов: «Чкалов» и «политический донос». Сейчас, говорят, младший Чкалов – летчик, на рейсах в Канаду, уважаемый человек...

В понедельник, 26-го начался открытый пир победителей: московская мэрия в лице вице-мэра Лужкова, не дожидаясь судебных решений, принялась изымать в свою пользу партийную собственность в Москве. По моим сведениям, накануне вечером Лужков затребовал к себе на беседу Управляющего делами ЦК КПСС Николая Ефимовича Кручину. Тот в это время находился в дачном поселке «Усово» вместе с группой последних секретарей ЦК, дождавшихся решения своей судьбы.

Договорились, что после встречи с Лужковым, Кручина вернется в «Усово» и расскажет, о чем шла речь. Однако он почему-то не явился, а уехал от Лужкова, если их встреча состоялась, к себе домой. Утром 26-го, согласно официальной версии, Николай Ефимович выбросился из окна собственной квартиры. О чем накануне вечером шел у него с вице-мэром разговор, мне неизвестно.

Так или иначе, но московская мэрия запустила процесс экспроприации партийной собственности буквально через несколько часов после смерти Управляющего делами ЦК. Здесь уместно добавить, что в последние месяцы перед августом у Кручины были напряженные отношения с Горбачевым, поскольку Управляющий делами из всех сил препятствовал махинациям генсека с партийной кассой...

* * *

Еще через пару дней мне позвонил на квартиру кто-то из сотрудников секретариата Орготдела ЦК и сказал, что утром 31 августа я могу последний раз войти в свой рабочий кабинет и быть там до 15.00. В назначенный день, захватив с собой большую дорожную сумку, отправился на Старую площадь. За 10 лет работы в ЦК в кабинете скопилось множество книг, разных справочных материалов, писем, интеллигентские отклики на мои статьи в печати. Словом, образовался солидный архив. Чтобы в нем разобраться, нужны были бы несколько дней, а не часов. Но выбора не было. Сложив в сумку, как предполагал, самое главное, остальное оставил в кабинете. Пусть новые хозяева пользуются, мне не жалко.

Не без волнения двинулся к лифту. Внизу на выходе предстоял первый в моей жизни обыск. Ничего подобного раньше со мной не случалось. Но оказалось, что все не так уж и страшно. Двое худощавых, спортивного вида молодых людей, предварительно извинившись и сославшись на служебный долг, деловито и проворно перевернули сумку. Изъяли листок информации ТАСС, которые обычно рассылают по газетным редакциям, и оттиски двух моих статей в газете «День». Не знаю, почему. После этого вежливо попрощались. Я поблагодарил за обслуживание. Они занялись следующим.

Я потащил свою сумку к проходной. Там стояли двое провинциального вида ментов с «бесиками» в петлицах и автоматами за спиной (позже выяснилось, что милиционеров действительно завозили из провинции). Один из них сказал открыть сумку. Я возразил: «Меня уже обыскивали». Мент ответил: «Там другая служба, у них свои дела, у нас свои». «Ну уж вы между собой разберитесь!» – решил я показать гонор. Мент небрежно ковырнул пару раз рукой в сумку, и обронил: «Прходи».

В это мгновение к нам подошел пожилой мент в чине майора, тоже провинциального вида и с «бесиком» в петлице, тихо скомаандовал: «Отставить!» После чего принялся лично перебирать содержимое сумки. Извлек небольшую сувенирную подставку для авторучки. Мне ее подарил мой друг из Таджикистана. Отложил в сторону. Я промолчал.

Дальше майор достал из сумки маленькую записную книжку, годами без пользы валявшуюся в моем столе как память о студенческой молодости. Принялся спокойно перелистывать странички. Я не выдержал: «Скажите, что вы ищете. Я вам сам это отдам» Мент, продолжая перелистывать, ответил: «Смотрю, нет ли у вас библиотечных книг».

Я оглянулся – за мной уже выстроилась очередь на обыск аккуратных, терпеливых, покорных судьбе. По знакомому мне двору двое рабочих катили куда-то холодильник. Жарко. Время обеда. От столовой медленно, раскуривая на ходу сигаретку и сытно отрывая, шел еще один провинциальный мент.

В этот миг, отлично это помню, я разом проснулся. Так, что в самой сокровенной глубине самого себя осознал во всей его невысказанной значимости факт, что я навсегда уехал из Советского Союза. И приехал в совсем другую страну, для которой я никто и ничто. А вот этот пожилой провинциальный мент с «бесиком» в петличке, спокойно листаящий мои личные записи, есть теперь соль земли и ее хозяин. Совсем, совсем другая страна...